

ференции в Москве (Смирновские чтения), в Киеве, в Калининграде. Это отрадно. И хотя нет логического журнала, нет ассоциации логиков России или логиков СНГ, однако имеются регулярные серии изданий по логике, в Москве — «Логические исследования», у нас — «Логико-философских штудии», 4 выпуска которых уже опубликованы, 5-й — в печати, а 6-й готовится к изданию. Первые три конференции были проведены на средства, изысканные факультетом, за что следует выразить ему признательность, остальные — при финансовой поддержке РГНФ, а некоторые и РФФИ.

Все сказанное позволяет признать, что в нашей стране сложилась развитая логическая культура, закрепились позиции логической дисциплины в системе высшего образования, сформировались школы, воспроизводящие сообщество высоко квалифицированных, компетентных специалистов, все более интенсивным становятся контакты, включая международные. Все это позволяет с надеждой и уверенностью рассчитывать на перспективы развития отечественной логической культуры.

ЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В РОССИИ И В СССР. ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭФФЕКТА «КОЛЕИ»¹

В.А. БАЖАНОВ

Россия и СССР внесли заметный вклад в развитие мировой логической мысли. Однако история логики в России и СССР наложила глубокий отпечаток на особенности развития этой науки на 1/6 части суши и на особенности формирования отечественного логического сообщества, которые достаточно выражены и сегодня. Я предложил бы осмысливать эти особенности в терминах эффекта «колеи» (в английской терминологии *path dependence* — зависимость развития от предшествующего пути, если переводить дословно).

Что же здесь имеется в виду? Какие факторы способствовали тому, что логическое сообщество в России до сих пор следует давно и объективно установленным образцам? Как, на-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Процедуры аргументации в отечественной логике и университетской философии», грант № 07-03-00054а.

конец, были установлены эти образцы, образовалась та самая «колея»?

Начну с некоторых исторических фактов, которые потребуются нам в дальнейшем анализе.

Развитие логических идей в России (до 1917 года)

История логической мысли России достаточно продолжительна. Она восходит к X в., когда на Руси появились первые сочинения, содержащие логические знания². Эти сочинения обычно носили учебный характер. Регулярное логическое образование в России отсутствовало. Лишь с созданием Еллинско-греческой (позднее Славяно-греко-латинской) академии в 1685 – 1687 гг. логическое образование стало приобретать достаточно регулярный характер. Софроний Лихуд (1652 – 1730), один из основателей академии, преподавал учение Аристотеля и его логику на основании комментариев аль-Фараби. В 1690 гг. логика читалась С. Яворским (1658 – 1722) в Киево-Могилянской академии.

В университете при Петербургской академии наук (1725) была открыта кафедра логики и метафизики, которую занимал Г.-Б. Бильфингер. Л. Эйлер (1707 – 1783), почти четверть века работавший в С.-Петербурге, затрагивал вопросы учения о суждении и силлогизме в «Письмах к германской принцессе о различных предметах физики и философии». Сами «Письма», правда, были написаны им в период пребывания в Берлине (1761), но труд вышел в свет, когда он вновь был в Российской столице (рус. перевод осуществлен в 1796). Первым профессором Московского университета по кафедре логики, метафизики и практической философии являлся И.-Г. Фроманн, приглашенный из Штутгарта; после него в 1765 г. кафедру занял Д.С. Аничков (1733 – 1788), издавший в 1770 г. логический труд «Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих смертного от разных заблуждений». М.В. Ломоносов касался логических вопросов в «Кратком руководстве к риторике» (1744) и в «Кратком руководстве к красноречию» (1748).

Во второй половине XVIII в. в России все активнее стали подготавливаться (правда, не всегда – издаваться) учебники по

² Подробнее см.: *Бажанов В.А.* История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. – М., 2007.

логике: *Макарий П.* Логика феоретическая, собранная из разных авторов и удобным порядком расположенная. М., 1759; *Козельский Я.П.* Философские предложения. СПб., 1768; *Болотов А.Т.* Детская логика, сочиненная для употребления российского юношества. М., 1787; *Мочульский И.* Логика и риторика для дворян. Словеснословие и песнопение, то есть грамматика, риторика и поэзия в кратких правилах и примерах. М., 1789; *Никольский Н.А.* Логика и риторика, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенные. СПб., 1790; *Рижский И.С.* Умословие или умственная философия, написанная в Санкт-Петербургском горном училище в пользу обучающегося в нем юношества. СПб., 1790, и т.д.

Особенно важное значение для становления логики в России имело русское издание в 1760 г. книги «Логика» Хр. Баумейстера (1708 – 1785), а в 1765 г. книги «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной» Хр. Вольфа (1679 – 1754). Полагая, что наука, прежде всего, отличается силой логических умозаключений, Вольф привнес в философию тенденцию к строгому упорядочению материала. Фактически все русские сочинения по логике находились под влиянием подхода к науке Вольфа. Впрочем, в России широко использовались и оригинальные немецкие издания. Например, Н.И. Лобачевский при знакомстве с логикой пользовался учебником И. Кизеветтера «Grundriss einer reinen allgemeinen Logik nach kantischen Grundsätzen zum Gebrauch für Vorlesung begleitet mit einer weiteren Auseinandersetzungen für diejenigen, die keine Vorlesung darüber horen können» (Berlin, 1795).

В начале XIX в. в России открылся ряд университетов (Юрьев, 1802; Казань, 1804; Харьков, 1805; С.-Петербург, 1819), что способствовало существенному увеличению спроса на логическую литературу. Так, с 1806 по 1820 гг. едва ли не каждый год выходили книги по логике (*Богданов П.* Краткая логика. М., 1806; *Лубкин А.С.* Логика. М., 1807; *Мочульский Ф.* Логика, риторика и поэзия. Харьков, 1811; *Ивашковский И.* Начала логики. СПб., 1814; *Лодий П.Д.* Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. СПб., 1815; *Любочинский Л.* Логика или умоучение. Харьков, 1817; *Талызин М.* Начальные основания риторики и поэзии с предварительным объяснением логических правил. СПб., 1818 и т.д.).

Логика преподавалась также в духовных академиях (Петербург, Казань, Москва, Киев) и семинариях (Воронеж, Коломна, Псков, Вятка, Нижний Новгород, Симбирск, Тверь и т.д.). Кстати, учебник «Краткая логика и риторика для учащихся в Российских духовных училищах» увидел свет еще в 1803 г.

Когда в 1850 г. вышло Высочайшее повеление Императора Николая I об ограничении преподавания философии в университетах и Ришельевском Лицее логикой и психологией, то «чтение оных» было возложено на профессоров богословия. Программа логики была составлена в Московской Духовной академии, одобрена комитетом при Святейшем Синоде и разослана во все университеты. Ее содержание фактически совпадало с содержанием программ, которые использовались до «ограничения» в светских университетах, хотя о философии в ней говорилось как о «возводящей все сущее к Верховному началу и последней цели бытия». Таким образом, преподавание логики продолжалось в российских университетах и в самые тяжелые для философии времена.

Введение в действие в 1863 г. нового Устава университетов и возобновление преподавания в них философии послужило причиной «оттока» ученых из Духовных академий (где философские дисциплины были представлены достаточно основательно) в университеты, что в целом способствовало укреплению философских кафедр, равно как и расширению спектра философских курсов. Православные журналы («Вера и разум», «Православный собеседник» и т.д.) постоянно помещали статьи по логической проблематике.

Создание Московского психологического (1885) и Петербургского философского обществ (1898), открытие журнала «Вопросы философии и психологии» (1889) с одной стороны отражало резко увеличивающуюся активность философского (и логического) сообщества, а с другой — содействовало росту этой активности.

К концу XIX в. в России были представлены едва ли не все направления мировой логической мысли, причем соответствующие ее уровню. Переводились и издавались труды ведущих западных логиков. М.И. Каринский (1840 — 1917) предложил оригинальную классификацию логических выводов (1880), которую пытался пересмотреть Л.В. Рутковский (1859 — 1920), в 1889 г. Н.Я. Грот (1852 — 1899) ставил вопрос о реформе логики (1882), которую он трактовал как учение об умственных про-

цессах. Предпринимались попытки логического осмысления научных понятий (Н.А. Шапошников — понятий этики, Г. Веревский — понятий психологии и т.д.). Вышли в свет достаточно глубокие работы по истории логики (М.И. Владиславлева, 1872; М.М. Троицкого, 1886; П. Лейкфельда, 1890). Наконец, появились высококлассные работы в области математической логики (П.С. Порецкий, В.В. Бобынин, И.В. Слешинский, Е.Л. Буницкий), претендовавшей на полную независимость от философии и тем более психологии.

В логической мысли России XIX — начала XX вв. доминировали психологизм и антропологизм, согласно которым логика должна заниматься анализом «реального» мышления, а не изучением последствий нормативного характера логических законов и соответствующих им принудительных конструкций. Иными словами, психологизм предполагал, что логика есть выражение активности человеческого мышления, а логические законы определяются способом опытного познания объектов, в который неизбежно включен и субъект. В принципе такого рода установки тормозили развитие логики в ее математической форме, но в эвристическом плане иногда оказывались весьма плодотворными. Так, в начале XX в., когда можно говорить о расцвете логических исследований дореволюционного периода, Н.А. Васильев (1880 — 1940), в своей «воображаемой» логике (1910 — 1914), предвосхитившей открытие в высшей степени неклассических типов логик (многозначной, паранепротиворечивой, многомерной), исходил из явно выраженных «психологических» мотивов: он рассуждал о воображаемых мирах с различной онтологической организацией, где сенсорные («ощущательные») способности субъектов определяются последней и задают различные типы логик — без законов (не) противоречия и исключенного третьего. Психологизм пронизывал как теорию дедуктивных, так и теорию индуктивных умозаключений. И.И. Ягодинский (1868 — не ранее 1928) в книге «Генетический метод в логике» (1909) проводил мысль о том, что законы и приемы логики эквивалентны аксиомам и приемам психологии, а генетический метод показывает, как логическое возникает на определенной стадии развития человека. Часто логику и психологию преподавали одни и те же лица, а Московское психологическое общество включало в себя и философов, и логиков. Доклады по логике были не редкостью на заседаниях этого общества.

Для логики в России начала XX в. было характерно не только наличие высокопрофессионального научного сообщества, члены которого постоянно общались с западными коллегами и высказывали весьма оригинальные идеи (например, А.И. Введенский и И.И. Лапшин сомневались в универсальности закона (не)противоречия), но и работа по всему фронту логических исследований: С.И. Поварнин развивал логику отношений и логику спора, Н.О. Лосский — интуитивистский подход к познанию, нашедший отражение и в его логических воззрениях, К.Ф. Жаков — эволюционный подход к логике, П.А. Флоренский настаивал на антиномичности познания, так же, как и Н.А. Васильев предвосхищая (в достаточно неопределенном, впрочем, виде) идеи паранепротиворечивости.

Развитие логических идей в СССР

Октябрь 1917 г. и последующие события, связанные с ликвидацией историко-филологических факультетов и «всесоюзными конкурсами» преподавателей, позволявшими избавляться от старой профессуры, оказали пагубное влияние на состояние логической мысли. По существу в качестве «гуманитарной» науки она перестала существовать. Неофиты марксистско-ленинской диалектики связывали логику с метафизическим мышлением, свойственным буржуазному обществу. Поэтому логика в 1920-х — 1950-х гг. могла развиваться и развивалась, маскируясь под математику. Математическая логика этого периода включает фундаментальные результаты, принадлежащие А.Н. Колмогорову, В.И. Гливенко, И.И. Жегалкину, М.И. Шейнфинкелю, В.И. Шестакову, Д.А. Бочвару, А.А. Маркову, П.С. Новикову.

Тем не менее, настойчивые попытки всюду, в любой науке отыскать диалектику, все-таки в одном уникальном случае имели положительный, хотя и побочный, результат. Поиск особой диалектической логики естествознания привел И.Е. Орлова (1886 — 1936) к идее релевантной логики, построенной не на экстенциональном, а интенциональном основании и изложенной им в его единственной логической статье, опубликованной в журнале «Математический сборник» (1928).

С.А. Яновская (1896 — 1966), которая в 1930-х гг. вместе с Э. Кольманом активно разоблачала идеализм в математике, в 1940-х гг. предприняла титанические усилия для возрождения логических исследований в СССР. При ее непосредственном

участии после соответствующего постановления ЦК ВКП(б) 1946 г.³ были созданы кафедры логики на философском факультете и математической логики на механико-математическом факультете МГУ (1947). Была также открыта кафедра логики в ЛГУ и образован сектор логики в Институте философии АН СССР (1947), стала работать аспирантура. С.А. Яновская немало сделала для подготовки высококвалифицированных логиков. Преодолено было множество препятствий, прежде чем возобновилась публикация учебников, оригинальных статей, монографий, перевод и издание зарубежной логической литературы.

В.Ф. Асмус, П.С. Попов в МГУ и вновь приглашенный в ЛГУ С.И. Поварнин (все-таки уволенный через два года) начали чтение логических курсов и/или подготовку аспирантов. Был переиздан еще дореволюционный учебник по логике Г.И. Челпанова, написаны новые (М.С. Строговичем, В.Ф. Асмусом, С.Н. Виноградовым для средней школы и т.д.). Логика очень тяжело утверждалась в советских университетах и педагогических институтах.

Впрочем, последствия негативного отношения ортодоксальных диалектиков по отношению к формальной логике еще долгое время (вплоть до середины 1970-х гг.) проявлялись в виде то разгорающейся, то утихающей дискуссии о соотношении так называемой диалектической и формальной логики, после очередного раунда которой атмосфера вокруг логики становилась напряженной, а иногда следовали и разного рода репрессии⁴.

Б.В. Бирюков, Е.К. Войшвилло, Д.П. Горский, А.А. Зиновьев, Н.И. Кондаков, В.А. и Е.Д. Смирновы, Н.И. Стяжкин, А.М. Плотников, И.Н. Бродский, О.Ф. Серебрянников и другие логики, становление которых приходится на послевоенные годы и которые учились у Яновской, Асмуса, Попова в свою очередь оставили многочисленных учеников, работавших во всех областях логики и в свою очередь оставивших много учеников, достаточно успешно продолжавших традиции логических исследований в СССР и России.

³ См.: *Бажанов В.А.* Партия и логика. К истории одного судьбоносного постановления ЦК ВКП(б) 1946 года // *Логические исследования*. Вып. 12. — М., 2005.

⁴ См.: *Бажанов В.А.* История логики в России и СССР. — С. 114 — 130.

Особенности формирования логических сообществ в России и СССР. Состояние логического сообщества в современной России

Ученых, занимавшихся непосредственно математической логикой в России до 1917 г., было немного. По существу из таковых мы можем назвать лишь В.В. Бобынина (в некоторой степени), Е.Л. Буницкого и П.С. Порецкого. С 1917 г. в определенный промежуток времени (примерно до начала 1930-х годов) число ученых, уделявших внимание математической логике, существенно увеличилось (С.О. Шатуновский, А.Н. Колмогоров, В.И. Гливенко, И.И. Жегалкин, М.И. Шейнфинкель, И.Е. Орлов — из наиболее известных имен).

Дореволюционные философы еще были в какой-то мере знакомы с фактом существования математической логики и упоминали в своих трудах представителей последней (как, например, Н.А. Васильев, познакомившийся с идеями математической логики благодаря своему отцу А.В. Васильеву, который, кстати, обратил внимание П.С. Порецкого на логику Буля), но не владели ее аппаратом, а Бобынин, Порецкий и Буницкий, видимо, не особенно интересовались философскими проблемами и не считали нужным делать какие-то ссылки на своих коллег-философов. Две группы исследователей — логики-традиционалисты (т.е. те, кто рассуждал в рамках Аристотелевой парадигмы, включая и Н.А. Васильева) и логики-математики — творили по существу в параллельных плоскостях.

После октябрьского переворота 1917 г. первая группа исследователей фактически была вынуждена прекратить какие-либо поиски в области формальной логики. Формальная логика расценивалась господствующей идеологией как цитадель метафизического мышления, противостоящего и враждебного диалектической логике, логике революционных преобразований и наиболее прогрессивного социального класса — пролетариата. Формальная логика была изгнана из всех учебных программ как идеологически чуждая задачам построения нового общества и воспитания нового человека.

Для существования логики оставался свободным лишь путь мимикрии под чистую математику. Вовсе не случайно почти все работы в области математической логики в СССР 20 — 30-х годов публиковались как математические труды (в журналах типа «Математический сборник», где была напечатана и статья И.Е. Орлова, причем без каких-либо философских

«вкраплений», к которым был весьма склонен в других работах этот автор).

Даже работы некоторых математиков (и физиков, если иметь в виду В.И. Шестакова), которые по своему духу напоминали больше труды собственно по логике, чем по математике, жестко прессовались, их авторам приходилось не только оправдываться, но и искать поддержки у идеологически безупречных философов (каковой считалась С.А. Яновская), что тормозило соответствующие исследования. Достаточно вспомнить истории В.И. Шестакова и М.А. Гаврилова, — пионеров применения логических представлений к моделированию технических устройств.

В СССР сложилась и существовала примерно до начала 1960-х годов атмосфера, которая заставляла даже математиков дистанцироваться от логики. И уж тем паче от философии. Между математической логикой и логикой, которая может быть условно названа философской (название это ныне широко принято на Западе) в нашем Отечестве образовалась глубокая пропасть.

Даже сейчас совместные работы логиков-философов и логиков-математиков у нас довольно редки. На память мне приходит лишь пример Новосибирска, где участниками совместного семинара философов и математиков была издана книга, да и то не вполне по философии логики, а скорее по философии математики⁵. Мне не известна ни одна работа нашего логика-философа в журнале «Алгебра и логика», который являлся и является, вероятно, ведущим журналом по математической логике в СССР и России.

Сформировалась своего рода «колея», которую непросто покинуть. Установки, которые складывались десятилетиями в советский период, продолжают довлеть.

На Западе публикации философов-логиков в «математических» журналах типа «*Journal of Symbolic Logic*» или «*Bulletin of Mathematical Logic*» совсем не редкость. Иными словами, той пропасти между этими двумя группами исследователей, которая до сих пор существует в России, на Западе нет и не было и в помине. Прекрасными примерами этого могут служить «*Handbook of Philosophical Logic*» (сейчас выпускается второе издание), «*Handbook of Defeasible Reasoning and Uncertainty*

⁵ См.: Проблемно-ориентированный подход к науке. Философия математики как концептуальный прагматизм. — Новосибирск, 2001.

Management Systems», «Handbook of Tableau Methods», «Handbook of the History and Philosophy of Logic» и т.д.

В России мы имеем своего рода асимметричное отношение: некоторые логики-математики охотно печатаются в философских изданиях, посещают философские конференции, организуемые логиками (например, Н.К. Косовский, Н.Н. Непейвода, А.В. и Л.А. Чагровы и т.д.), и защищают диссертации по философским наукам (например, К.И. Бахтияров, М.С. Бургин, В.П. Оревков, В.Х. Хаханян, Ю.А. Шрейдер и т.д.; впрочем, есть и иные варианты, скажем, В.К. Финн после кандидатской диссертации по философским наукам стал доктором технических наук).

Ряд логиков-математиков (или математиков, близких к логике) активно развивал и развивает философские идеи. Здесь нельзя не упомянуть С.Ю. Маслова⁶, В.А. Успенского⁷, И.Ю. Манина⁸ и др. Иными словами, логики-математики уже вовсе не чужаются философии, хотя, возможно, еще не испытывают глубокого интереса к идеям, которые появляются и циркулируют в отечественном логико-философском сообществе, считая себя самодостаточными мыслителями. Тем не менее, оба сообщества фактически понимают логику как науку о приемлемых способах рассуждений, и поэтому *принципиальных* разногласий у них не должно быть.

Отечественные логики-философы довольно слабо втянуты в международную жизнь, хотя зачастую прекрасно знакомы с теми достижениями, которые имеют место на Западе (см., например, блестящий обзор состояния мировой философской логики, сделанный А.С. Карпенко⁹), недостаточно активно печатаются в ведущих зарубежных изданиях (на мой взгляд, основная причина — пассивное владение английским языком), вяло участвуют в зарубежных конференциях (прежде всего в силу ограниченных финансовых возможностей), в том числе виртуальных. В смысле «продвинутости» научного сообщества логики-философы, по-моему, заметно уступают некоторым иным сообществам в современной России (например, психо-

⁶ См.: Маслов С.Ю. Теория дедуктивных систем и ее применения. — М., 1986.

⁷ См.: Успенский В.А. Труды по НЕматематике. — М., 2002.

⁸ См.: Манин Ю.И. Доказуемое и недоказуемое. — М., 1979; Манин Ю.И. Вычислимое и невычислимое. — М., 1980; Манин Ю.И. Математика как метафора. — М., 2008.

⁹ См.: Карпенко А.С. Предмет логики в свете основных тенденций ее развития // Логические исследования. Вып. 11. — М., 2004.

логам) чем, впрочем, они ничуть не отличаются от философского сообщества в целом¹⁰. Вовсе неслучайно на сайте, который сводит воедино всю информацию о логических исследованиях в мире (<http://world.logic.at>) Россия не выделена в отдельную рубрику, а в разделе «Logic Links» Россия представлена лишь Петербургским отделением Математического института им. Стеклова и Ю.В. Матиясевичем. Interest Group in Pure and Applied Logics (IGPL) включает 22 члена из России (июль 2008 г.), тогда как в ней числятся 212 членов из США, 79 из Великобритании, 61 из Германии, 48 из Бразилии и т.д.

Понятно, что утечка мозгов коснулась и логики. На Западе ныне работают Ю.И. Манин, Г.Е. Минц, С.Н. Артемов, М. Захарьяшев, М. Бургин, А. Блинов, Н. Куртонина, Н. Алешина и т.д., но это обстоятельство, на мой взгляд, лишь в незначительной степени способствует укреплению связей отечественного логического сообщества с зарубежными коллегами в смысле расширения объема изданий русских логиков за рубежом. Скорее, речь здесь идет о некотором привлечении зарубежных коллег в отечественные логические издания.

Вероятно, именно недостаточной активностью логического сообщества можно объяснить тот факт, что до сих пор не имеется регулярного журнала по логике («Алгебра и логика», как уже упоминалось, пока фактически закрыта для представителей философской логики). Высокого уровня ежегодники («Логические исследования», «Труды научно-исследовательского семинара логического центра Института философии РАН») в условиях жестких требований ВАК к количеству публикаций, необходимых для защиты кандидатской и докторской диссертаций, должны быть дополнены периодическими изданиями (или преобразованы в них).

Здесь мог бы быть полезен виртуальный журнал типа «Logical Studies», который какое-то время (в начале нового века, точнее до 2004 г. включительно) успешно развивался (на сайте <http://www.logic.ru>), но вскоре фактически был преобразован в сайт памяти В.А. Смирнова (который, безусловно, заслуживает памяти благодарных коллег и учеников, но ограничивать данный сайт лишь информацией об одном крупном отечественном логике, который немало сделал для становления логичес-

¹⁰ Подробнее см.: *Бажанов В.А. О философском сообществе в России начала XXI века // Философия в поисках и спорах. — СПб., 2007.*

ких исследований в СССР, не стоит; кстати, сайты ведущих кафедр логики — МГУ (<http://logic.philos.msu.ru>) и СПбГУ (<http://logic.philosophy.spb.ru>), похоже, не обновлялись, соответственно, с 2003 и 2006 гг. — данный текст пишется в июле 2008 г.).

В последнее время определенную активность в поддержке сайта по логике проявляет кафедра философии и логики Российского университета им. И. Канта (<http://ratio.albertina.ru>), но в силу известных причин он не может ограничиваться чисто логической и историко-логической проблематикой.

Не следует поэтому удивляться, что в течение года ныне в России защищается обычно не более одной-двух докторских диссертаций по логической проблематике (и несколько, никак не более дюжины, кандидатских диссертаций).

В данном факте можно усмотреть и позитивное содержание: можно смело утверждать, что так называемый феномен теневой науки (под которой имеется в виду, в частности, распространенное в последнее время изготовление диссертаций «под ключ»¹¹) не поразил логику (хотя он расцветает в области педагогики, юриспруденции, экономики, социологии и иных социально-гуманитарных дисциплин). Логическое сообщество и поныне держит планку оценки работ в своей области на довольно высоком уровне¹².

Будущие логические издания обязаны равняться на своих западных коллег в смысле механизма рассмотрения и принятия материалов к публикации. Когда я посылаю статьи в западные журналы или на серьезные конференции, то через некоторое время *обязательно* получаю по меньшей мере две (чаще три) анонимных рецензии, в которых говорится о достоинствах и недостатках статей, иногда указывается, как их улучшить, сделать более целостными и/или понятными. Аналогичные рецензии время от времени приходится писать и мне. За три десятилетия моих публикаций в ведущих советских и российских жур-

¹¹ См.: *Юревич А.В.* Теневая наука.ru // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 3. Термин «теневая наука» был введен мною в 1991 г. (см.: *Бажанов В.А.* Наука как самопознающая система. — Казань, 1991; *Bazhanov V.A.* Shadow science in the Soviet Union // Philosophy and Social Action. 1991. Vol. 17. № 3 — 4.

¹² Хотя здесь иногда наблюдается удивительная (и очень досадная) толерантность к трудам, которые никак не могут считаться сколько-нибудь соответствующими даже мягким критериям научности (скажем, по так называемой русской логике, автора которой называть не буду).

налах и изданиях я в лучшем случае выслушивал замечания и пожелания устно. Полагаю, что автор должен иметь осязаемые оценки (т.е. в письменной форме), которые позволили бы ему трезво судить о достоинствах и недостатках своей работы.

Логика уже более десяти лет является весьма популярной учебной дисциплиной. Многочисленные юридические, психологические и иные гуманитарные вузы, факультеты и отделения не могут обойтись в учебных программах без логики. Такой социальный запрос, ясное дело, привлек к чтению логики и написанию соответствующих учебников большое количество людей, имеющих к логике весьма косвенное отношение или не имеющих этого отношения вообще. Стоит лишь посмотреть на прилавки наших книжных магазинов. Масса учебников по логике написана людьми, у которых нет ни одной логической работы и которые не почтили своим присутствием ни одну конференцию по логике. Кто такие, скажем, В.П. Малахов или А.Е. Иванов? А ведь их учебники по логике изданы большими тиражами. Обычно все-таки учебники пишут люди, которые знают несколько больше, чем излагается в такого рода изданиях.

Наконец, несколько слов о предмете моего непосредственного интереса — истории логики. Отрадно, что в последнее время в этой области наблюдается определенное оживление. Однако огорчает, что некоторые новоявленные и даже маститые исследователи в этой области нарушают нормы научной этики, прежде всего относящиеся к признанию приоритетов. Так, в работах, посвященных В.И. Шестакову, вышедших в последние два года, и содержащих обширнейшую библиографию, например, в «Логических исследованиях», вып.14, упорно не обращается внимание на то, что первые мои работы (вместе с Л.И. Волгиным), в которых по существу возрождалось имя В.И. Шестакова, относятся к 2001 г.¹³, а в ряде трудов, посвя-

¹³ См.: Бажанов В.А., Волгин Л.И., В.И. Шестаков и К. Шеннон. Разные судьбы творцов одной великой идеи // Труды межд. конф. «Континуальные логико-алгебраические исчисления и нейроматематика в науке, технике и экономике». Т. 1. — Ульяновск, 2001; см. также: Бажанов В.А., Шестаков В.И. и К. Шеннон. Разные судьбы творцов одной красивой идеи // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 2. Я уже был вынужден указать В.И. Левину на, мягко выражаясь, некорректность его поведения, прежде всего по отношению к В.И. Шестакову (см.: Бажанов В.А. Научные открытия и специфика их оценки и ассимиляции // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3), но оно, увы, не претерпело каких-то изменений.

шенных Н.А. Васильеву, и опубликованных в журнале «Вопросы философии», Б.В. Бирюков и И.П. Прядко умудряются оперировать фактами без единой ссылки на мою книгу 1988 г. (которая явилась первым биобиблиографическим трудом по Н.А. Васильеву¹⁴), — фактами, которые приведены *только* в этой книге. В то же время Б.В. Бирюков тщательно отмечает малейшие неточности в моих работах (увы, естественные для любого исследователя).

Хотелось бы надеяться, что коллеги будут стремиться действовать по принципу объективности, как и предписывает научный этос. История, в конце концов, всё расставит по своим местам.

Думаю, что логическое сообщество (имея в виду логики-философов и логики-математиков) России будет развиваться в духе налаживания и укрепления сотрудничества, взаимной поддержки, взаимного интереса, — в том направлении, в котором естественным образом развивается логическое сообщество на Западе. Все предпосылки для этого налицо. Тогда, наконец, возникнет возможность покинуть «колею», которая уже не одно десятилетие определяет модус существования логики и логики в нашем Отечестве.

ЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СВОБОДА: ЛОГИКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XX – XXI СТОЛЕТИЙ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Место и роль логики в российском обществе — как советского, так и постсоветского периода — достаточно парадоксальны. Ситуация во многом сохраняется и в наши дни. Представляется, что характеристика этой ситуации, ее причин, факторов, обуславливающих ее динамику, тенденций и перспектив на будущее, важна для осмысления существенных характеристик российского духовного и интеллектуального опыта на изломе тысячелетий. Под логикой в работе понимается как логическая культура общества, так и собственно логика как на-

¹⁴ См.: *Бажанов В.А.* Николай Александрович Васильев (1880 – 1940). — М., 1988.